

УДК 1(470)

DOI 10.25688/2078-9238.2018.28.4.04

И.А. Бирич

Роль отечественных мыслителей в разработке онтологии Универсума: от Платона до Н. Моисеева и Л. Лескова

Статья посвящена проблеме формулировки понятия «Единое» в качестве характеристики Универсума, как это дано у Платона в раскрытии сущности Космоса, и дальнейшего раскрытия данного понятия в истории европейской и русской философии вплоть до характеристики ноосферы и «нелинейной Вселенной» современными отечественными учеными.

Ключевые слова: Единое; Ум (греч. «ноос»); метафизика; интуиция; сверхсознание.

Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.

Гавриил Державин

В диалогах «Парменид» и «Тимей» [9] Платон рисует свою систему мироздания, живого Космоса, его сущность (*онтоc*). Так, от Платона зародилась философская традиция давать онтологическую картину мира — учение о бытии, в котором обязаны взаимодействовать два объективных мира: невидимый мир идей, или причин, и видимый мир материи. В системе Платона (диалог «Парменид») Единое рассматривается как беспредпосылочный источник всего сущего, но само оно не есть бытие, не имеет ни начала, ни конца, не занимает никакого пространства, не имеет движения — одним словом, ничто (*мэон*).

Далее, по Платону, Единое является первой исходной точкой всякой действительности. Второй точкой является Ум: это мысленное родовое обобщение всех живых существ, обладающее предельно упорядоченной и совершенной структурой. Функция Ума состоит в том, что он устраивает и поддерживает все существующее с помощью идей (диалог «Тимей»). В мире идей мыслится своя собственная идеальная, или умственная, материя. Насыщенный идеями Ум представляется Платону предельным состоянием самой жизни. Третьей исходной точкой бытия является Мировая душа — наивысший принцип самоподвижности. Она объединяет два мира — идей и материи. Таким образом,

в основе модели Универсума Платона лежит его концепция тройственной структуры мира, главным признаком которого является его органическая целостность и осмысленность (*логос*). Вот почему человек в греческой философии есть копия макрокосма — микрокосм.

От учения Платона прослеживаются два направления: одно ведет к кристаллизованной христианской догматике, другое — к не остывающим в веках дискуссиям и спорам внутри философской мысли.

Христианская догматика формировалась во II–IV вв. параллельно с разработкой неоплатонизма — философией упадка древней империи. Рассматривая триаду Единое – Ум – Мировая душа, Плотин и другие неоплатоники делают следующий шаг в ее понимании по сравнению с Платоном: подчеркивают ее целостное триединство, что помогло представить диалектику единого и одновременно множественного мира, его выстроенную многоуровневую иерархию. А это, в свою очередь, позволило сравнить возможности рассудочного познания окружающего мира «по сию сторону бытия» и интуитивного контакта с Единым, который описывается как свет, что озаряет душу и освещает истину.

Прекрасным знатоком и смелым оппонентом греческой философии выступил святитель Григорий из города Ниссы в Малой Азии (IV в.), закладывая основы христианской патристики. В своем труде «Об устройении человека» [10] он обращался к уже широкому кругу почитателей христианства, когда оно стало государственной религией Римской империи. Он неспешно, очень образно и доходчиво рассказывает о том, как в христианстве понимается сущность мира и природа человека — основа и зерно этого мирозерцания.

Но самое главное, надо было объяснить вчерашним язычникам, что такое быть Образом и Подобием самого Бога. Это очень важное место для понимания святоотеческой антропологии. И в античной философии было учение о человеке как микрокосме, в котором проявляются те же элементы — огонь, воздух, вода, земля, что и во Вселенной, и он подчиняется тем же законам движения, что и звезды на небе. Св. Григорий подчеркивает новый масштаб понимания природы человека в христианстве, выводящий ее причину вообще за рамки тварного мира — в мир метафизический (трансцендентный), духовный.

Как утверждает св. Григорий, есть прототип — Прообраз, первоначальный образец, вечно сущий Бог, несотворенный, никогда не убывающий (признаки Единого, по Платону). Есть сотворенный образ Божий, совмещающий божественную и земную природу, получивший индивидуальное бытие, — человек Адам. А так как творение не может пребывать без изменения, Адам, по данной ему свободе, решил испытать силу именно своей земной природы и совершил грехопадение. При этом образ Божий в человеке остался, но подобие Божие он потерял. С грехопадения началась история человечества. «Второй Адам» — Христос — во всей полноте обладает и образом и подобием, восходящими уже не к Адаму, но к самому прототипу. С этого времени перед человечеством поставлена другая задача — не выживать, подобно потомкам Адама, а преображать свою природу в деятельности, уподобляясь Христу, или Образу.

Григорий Нисский для характеристики деятельности употребляет два разных слова: «энергия» и «сила». Процесс творения мира — это энергия, человеческая способность к деятельности — это сила. Восходить к Образу — значит, становиться «сосудом», вмещающим «царственную энергию» — Благодать или Святой Дух. Переход этой возможности в действительность есть переход природной силы (потребности) в творческую энергию. Их совпадение, резонанс Григорий определяет словом «синергия». Только она является для святых отцов свидетельством истинного развития человека, к которому предназначен весь тварный мир. Где нет творчества, там изменение захватывает только плотскую часть человека.

Очень важный пункт антропологии Григория Нисского, утверждающий право человека на тайну о себе, так как она отражает неизъяснимую тайну Первообраза (Единого). Это учение о человеке позже вошло в богословскую традицию русского православия.

Среди философов Средневековья, углубляющих концепцию слаженной структуры Универсума, можно назвать Боэция с его учением о гармонии, кардинала и теолога, математика Николая Кузанского. В его трудах проявлены: диалектический принцип совпадения противоположностей в одном предмете; принцип «знающего незнания» по отношению к познающему субъекту; толкование идеи Бога как Единого, которое становится всем и потому тождественно бесконечности, Вселенная не имеет пределов.

Обновленное представление об Универсуме породило в эпоху Возрождения новую картину мира, которая зарождалась именно в лоне католической церкви. Ее яростное сопротивление научным открытиям Галилея, Коперника, Бруно означало конец опеки церкви над наукой, освобождение от ее контроля самого процесса научного познания.

Наука Нового времени без сожаления рассталась с идеями поиска трансцендентных топосов реальности, так как опиралась исключительно на возможности рационального, дискурсивного мышления и отрицала метафизику. Декарт провозгласил принцип разделения всего сущего на мир материи и мир сознания. С этого момента начала формироваться отдельная философия науки, а метафизика с особой настойчивостью разрабатывалась в немецкой классической идеалистической философии последних двух веков, пытавшейся совместить онтологию с гносеологией. Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель, И. Шеллинг, М. Хайдеггер вновь и вновь обращаются к античному учению о Едином, или Ничто, но со стороны его возможного познания.

Если у Лейбница это множественный организм, слаженный по законам предустановленной гармонии и высшей математики, то у Канта это непознаваемая «вещь в себе», порождающая трансцендентального субъекта познания. У Гегеля это мыслящая идея, Абсолютный дух, постигающий с помощью человеческого разума развитие своей целостности. У Шеллинга Единое раздваивается на природу и сознание и вновь соединяется в эстетическом чувстве. Для Хайдеггера Единое — это платоновское Ничто, разлитое в мироздании.

Но как ни старались данные философы рационально описать особенности подобного Универсума с помощью логики и дискурсивного мышления, они выходили на антиномии, диалектические противоречия, парадоксы, метафоризацию. Проблема перехода к живой реальности как бы и не стояла перед этими философами, заслоненная метафизикой.

Совсем по-другому решала эту проблему тоже идеалистическая русская философия XIX–XX вв. Конечно, она развивалась в русле православной традиции, но в вопросе о сущности мира многие суждения русских философов носили нетрадиционный для официального православия характер. Стараниями славянофилов русская философия вышла из-под опеки богословия на путь самостоятельного развития. Так, Иван Киреевский вбрасывает идею «живого знания», «верующего мышления», т. е. интуитивного, которое выше дискурса. И на этом пути к нему самому приходит поразительная концепция соборности, стремления к целостному восприятию действительности. Нужна новая философия, писал он, которая поставит своей целью поиски того внутреннего корня умозрения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное сверхсознание [12]. Ему вторил другой известный славянофил Алексей Хомяков, который раскрыл идею соборности как принцип сверхсознания нации, объединенной одной духовной целью [12]. Оба искали проявление Единого в целостном переживании жизни.

Очень подробно о представлении о Божественном мире как о едином универсальном организме (Универсуме), отраженном в разных религиях по-разному, писал наш крупнейший философ XIX в. Владимир Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве». Развивая идеи неоплатонизма и раннего христианства, он по-своему раскрывает Божественную триаду: единое благо для всех — истина для ума — красота для творчества души. В христианстве троичную природу Бога он комментирует как Абсолют – Христос (Первообраз) – Любовь. А вот Первообраз он раскрывает как единство двух начал: единство производящее — Логос — единство произведенное — София. «Носящий в себе это единство Христос как цельный божественный организм — универсальный и индивидуальный вместе — есть и Логос и София... Итак, София есть идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе, или в Христе» [11: с. 108, 113]. Соловьев, таким образом, придал историческому процессу ценностный и провиденциальный характер, открыв историософскую традицию в русской философии.

Оригинальную разработку темы космического процесса творения предложил другой наш крупный философ, Николай Бердяев. Процесс вечного, неостановимого творения возможен только в том случае, если в Ничто, в изначальном небытии коренится свобода. И, следовательно, во вторичном мире, где есть тварность и человек, можно мыслить несотворенную свободу. Человек — творение Бога — одновременно есть и дитя несотворенной «мэонической» свободы, так как она предшествует и Богу, и акту творения. Бог всемогущ над бытием, но лишен всемогущества над небытием. Бездонная свобода, уходящая в Ничто, есть, признает Бердяев, непроницаемая тайна мироздания [1].

И здесь он поднимает проблему соотношения бытия и творчества. «Сама идея творчества возможна лишь потому, что есть Творец и что был совершен им оригинальный творческий акт, в котором стало сущим небывалое, не вытекающее ни из чего предшествующего, не отнимающее и не убавляющее абсолютной мощи Творца. Творческий акт творит не из природы творящего... а из ничего... *Во всяком творческом акте есть абсолютная прибыль, простота силы*» (курсив Бердяева. — *И. Б.*) [1: с. 355]. И далее философ постулирует: мир сотворен не только тварным, но и творческим, особенно это касается антропологии человека.

В таком взгляде на человека уже заложены методы и «глубинной», и «вершинной», и «христианской» психологии. В.В. Зеньковский, русский богослов, философ и психолог XX в., называл это явление метафизическим ядром личности. Есть и обратная сторона у данного постулата: человек только тогда человек, когда имеет способность к чувству интуиции, объединяющей веру и разум, помогающей переживать свою включенность в тайну мироздания. Ее не открыть с помощью науки (хотя она, несомненно, расширяет наши знания о мире), с помощью магии и эзотерических знаний (хотя, конечно, они расширяют поле наших взаимодействий в мире) — в ней можно жить или не жить.

Еще один русский философ специально разбирался с понятием «Божественное Ничто» — Сергей Булгаков. В предшествующей философии Ничто означает изначальное бытие в его неподвижной глубине и первооснове. И раз в нем возникает все, онтологически и Бог, и мир единосущны, так как являются модусами Ничто. Но друг для друга они гносеологически разделены. «Религия возможна лишь постольку, поскольку трансцендентное Божество, неизреченная и немислимая тайна *открывается* (курсив Булгакова. — *И. Б.*) человеку и Абсолютное становится для человека Богом...» [3: с. 92].

Здесь самое место обратиться к пониманию интуиции. Русский философ Н.О. Лосский, разработавший новое направление в гносеологии — интуитивизм, для краткости обозначил все виды интеллектуальной интуиции («нечувственной интуиции») словом «умозрение». Описывая Царство Божие как пример обращения к миру трансцендентному, он определял Царство Божие как Царство гармонии: «Множественность в этом царстве обусловлена только идеальными отличиями одного члена от другого, то есть индивидуализирующими противоположностями, без всякого участия противоборствующих противоположностей, а следовательно, без всякой вражды одних существ к другим. Здесь нет эгоистического обособления и взаимоисключения. Всякая часть этого царства существует для целого, и наоборот, целое существует для всякой части. Мало того, вследствие полного проникновения всего всем здесь исчезает различие между частью и целым: всякая часть здесь есть целое» [7: с. 316], т. е. несет на себе его печать. Творчество начинается в тот момент, когда человек начинает интуитивно выстраивать это целое, прикоснувшись лишь к его части, явленной в нашем негармоничном мире, — знаменитое *pars pro toto* мыслителей эпохи Возрождения и символистов Серебряного века.

И Н. Бердяев, и С. Булгаков, и Н. Лосский принадлежали к философам русского зарубежья. А развивалась ли мысль об Универсуме в Советском Союзе? Да, она была подхвачена некоторыми истинно гениальными учеными, которых мы относим к философскому направлению русского космизма. Теперь, в начале XXI в., мы признаем, что в русском космизме существует достаточно большой пласт метафизического подхода к познанию Вселенной, говорящий об объективной тенденции синтеза религиозного и научного сознания при переходе к методам и моделям неклассической науки.

Так, Константин Эдуардович Циолковский, создатель идеи ракетного двигателя, оставил целую философию о реальности космического Разума во Вселенной. Александр Леонидович Чижевский — историк, биолог, поэт, художник — открыл четкие корреляции между ритмами солнечной активности и активности человеческих масс в истории. Мы вспоминаем о Павла Флоренского, физика и технолога, математика и философа, выбравшего для себя в 20-е гг. прошлого столетия героический путь богослова и священника. В своих работах он пытался дать математическое и психологическое описание «горнего мира, где обитает София», для доказательства его реальности.

Мы сегодня развиваем учение выдающегося русского и советского ученого первой половины XX в. Владимира Ивановича Вернадского о ноосфере — сфере Разума — как стадии эволюции биосферы, создаваемой ростом науки и коллективным трудом духовно возросшего человечества, а также как новой информационной оболочки Земли. Организованность означает, что среда — биосфера — неслучайна, имеет определенное строение, сопряженное с явлениями жизни. Более того, организованность биосферы ученый определяет как динамичное, вечно изменчивое, в каждый момент меняющееся и никогда не возвращающееся к прежнему образу равновесие [4]. Вернадский, безусловно, стоял у истоков синергетики, которая оказалась востребованной для решения экологических проблем уже в конце XX в.

Крупный российский математик, физик, мыслитель Никита Николаевич Моисеев, разработавший ряд оригинальных математических моделей в области экологии, был последователем В.И. Вернадского и внес существенный вклад в разработку теории ноосферы. Н.Н. Моисеевым была предложена коэволюционная парадигма ноосферогенеза. В ней ноосфера рассматривалась как проект будущего состояния планетарной реальности и требовала включения в геодинамику социального вектора. Эпоха ноосферы, согласно позиции Н.Н. Моисеева, прежде всего будет характеризоваться тем, что человечество научится управлять процессами самоорганизации биосферы. «Во всяком случае, стихийный процесс самоорганизации должен войти в некое русло с весьма жесткими берегами, которые определяются возможностью предвидеть те опасности, которые ожидают человечество, и теми возможностями, которыми располагает человечество для управления собственным поведением в своей экологической нише», — писал ученый [8: с. 107].

Моисеев полагал также, что учение о ноосфере выходит далеко за пределы естествознания, оно представляется основой для синтеза естественных

и общественных наук, и пришло время сосредоточить внимание на трудностях и проблемах этого синтеза. По мнению Н.Н. Моисеева, идеология, способная преодолеть традиционный разрыв двух культур — естественно-научной и гуманитарной — заключена в представлении о едином мировом процессе самоорганизации. Именно этот процесс может быть назван универсальным, или глобальным, эволюционизмом. Он охватывает все существующие и мыслимые проявления материи и духа.

За разработку гипотетической организации объединенного человечества взялся другой наш выдающийся ученый, доктор физико-математических наук, академик Российской академии естественных наук и Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, профессор МГУ Леонид Васильевич Лесков, который оказался в начале XXI в. среди немногих единомышленников Н.Н. Моисеева в этой сфере.

Л.В. Лесков был активным приверженцем синергетической методологии, которую считал фундаментальной научной дисциплиной, изучающей взаимодействие различных аспектов природного и человеческого бытия. В этот круг проблем он включал естественно-научные, социально-экономические, политологические, культурологические дисциплины и рассматривал их с точки зрения синергетического мировосприятия и нелинейной методологии в поисках принципов устойчивого развития планеты. Лейтмотивом применения синергетики было для Л.В. Лескова включение истории человечества в «Большую историю», т. е. историю Вселенной.

Вот он-то и оказался самым неожиданным интерпретатором русской и отечественной философской мысли. Проштудировав Платона, В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова и других наших мыслителей, он попытался перевести их метафизический понятийный аппарат на язык современной синергетической методологии в области изучения Вселенной и увидел, что все элементы различных триад, исследуемых ими, начиная с Платона, самосогласованы и, следовательно, триады имеют синергетический характер. И ему, конечно же, импонировала картина мира, представленная в трудах В. Соловьева, имеющая историософский характер.

Методология синергетики оказалась чрезвычайно удобной, чтобы с ее помощью создавать разнообразные модели того самого «неуловимого Единого», или Абсолюта, о существовании которого точно знали философы-идеалисты и метафизики, но не могли выразить в формулах. Мы в свое время тоже обратили внимание на то, что сформулированный в конце XX в. западными учеными антропный принцип Вселенной фактически был открыт русскими философами в учении о Богочеловечестве и русскими учеными в концепции о ноосфере [2: с. 159–168].

Сам Лесков в своем анализе Универсума после проделанной работы тоже продвинулся вперед: «Если в самом общем виде суммировать все, о чем шла речь и что можно было бы оценить как нечто, выходящее за пределы мистических и религиозных представлений, то мы получим следующий результат: не

исключено, что в Универсуме существует некий семантический, или смысло-содержащий, центр» [6: с. 286].

Л.В. Лесков выдвинул для объяснения присутствия Разума во Вселенной следующую концепцию: топология Вселенной подобна односторонней ленте Мёбиуса, образованной из двух автономных слоев реальности — четырехмерного мира Эйнштейна и семантического топоса (*греч.* «место»). Физическим представителем семантического топоса является квантово-вакуумная структура пространства — меон (помните, платоновское «потенциально сущее»?). Все объекты материального мира — от элементарных частиц до мозга человека — обладают способностью информационного взаимодействия с семантическим потенциалом меона [5: с. 87]. Интересное интуитивное утверждение. И очень красивое!

Л. Лесков моделировал возможные сценарии развития космических цивилизаций (включая земную), предполагая, что эти процессы подчиняются единым универсальным закономерностям. В своей футуросинергетике он рассматривал несколько сценариев будущего для земной цивилизации, предупреждая о возможной экологической катастрофе по причине деградации человеческого сознания. Предупреждал, но верил в оптимистический прогноз, ведь он сам работал с молодым поколением!

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Н.А. Бердяев. М.: Правда, 1989. С. 254–580.
2. Бирич И.А. Философско-антропологическая интерпретация современной научной картины мира (взаимосвязь антропного принципа и антропогенеза) // Философия русского космизма и будущее мировоззрение: сб. ст. по материалам межвузовск. конф. М.: МГПУ, 2014. С. 156–175.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Лесков Л.В. Лекции по космологии. М.: Инженер, 2007. 94 с.
6. Лесков Л.В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М.: Экономика, 2003. 446 с.
7. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
8. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 304 с.
9. Платон. Парменид, Кратил и другие диалоги / пер. С. Аверинцева, Т. Васильевой, Н. Томасова; вступ. ст. Я.А. Слинина. М.: Наука, 2014. 550 с. (Слово о сущем).
10. Святитель Григорий Нисский. Об устройении человека / пер., послесл. и примеч. В.М. Лурье. СПб.: Аxiоma, 2000. 220 с.
11. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // В.С. Соловьев. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 5–174.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

Literatura

1. *Berdyayev N.A.* Smy'sl tvorchestva // N.A. Berdyayev. M.: Pravda, 1989. S. 254–580.
2. *Birich I.A.* Filosofsko-antropologicheskaya interpretaciya sovremennoj nauchnoj kartiny' mira (vzaimosvyaz' antropnogo principa i antropogeneza) // *Filosofiya russkogo kosmizma i budushhee mirovozzrenie: sb. st. po materialam mezhdvuzovsk. konf.* M.: MGPU, 2014. S. 156–175.
3. *Bulgakov S.N.* Svet nevechernij: Sozerczaniya i umozreniya. M.: Respublika, 1994. 415 s.
4. *Vernadskij V.I.* Filosofskie my'sli naturalista. M.: Nauka, 1988. 520 s.
5. *Leskov L.V.* Lekcii po kosmologii. M.: Inzhener, 2007. 94 s.
6. *Leskov L.V.* Nelinejnaya Vseennaya: novy'j dom dlya chelovechestva. M.: E'konomika, 2003. 446 s.
7. *Losskij N.O.* Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuiciya. M.: Respublika, 1995. 400 s.
8. *Moiseev N.N.* Algoritmy' razvitiya. M.: Nauka, 1987. 304 s.
9. Platon. Parmenid, Kratil i drugie dialogi / per. S. Averinceva, T. Vasil'evoj, N. Tomaso-va; vstup. st. Ya.A. Slinina. M.: Nauka, 2014. 550 s.
10. Svyatitel' Grigorij Nisskij. Ob ustroenii cheloveka / per., poslesl. i primech. V.M. Lur'e. SPb.: Axioma, 2000. 220 s.
11. *Solov'ev V.S.* Chteniya o Bogochelovechestve // V.S. Solov'ev. Soch.: v 2 t. M.: Pravda, 1989. T. 2. S. 5–174.
12. *Filosofskij e'nciklopedicheskij slovar'.* M.: Sov. e'nciklopediya, 1983. 840 s.

*I.A. Birich***The Role of the Russian Thinkers in the Development of Ontology
of the Universe: from Plato to N. Moiseev and L. Leskov**

The article is devoted to the problem of formulating the concept of «One» as a characteristic of the Universe, as it given by Plato in disclosing the essence of Cosmos, and further disclosing this concept in the history of European and Russian philosophy, up to the characteristics of the noosphere and the «non-linear Universe» by modern Russian scientists.

Keywords: single; Mind (Greek: «noos»); metaphysics; intuition; superconscious.